

УДК 811.134.2'27

**КАТЕГОРИЯ *ПРОСТРАНСТВО* В РАССКАЗЕ Х. КОРТАСАРА  
«НЕПРЕРЫВНОСТЬ ПАРКОВ» И ЕГО ПЕРЕВОДАХ***Т.И. Колабинова***Аннотация**

Статья посвящена сопоставительному лингвистическому анализу репрезентаций лингвокогнитивной доминанты *пространство* в испанском, русском и английском языках на материале рассказа Хулио Кортасара “Continuidad de los parques” («Непрерывность парков») и его переводов. На основе анализа языковых средств описания пространства и положения тела в пространстве делается вывод о более чётком делении пространства на своё и чужое в английской лингвоконцептосфере по сравнению с испанской и о размытости такового деления в русской языковой картине мира.

**Ключевые слова:** языковая картина мира, пространство, лингвокогнитивная доминанта, категория.

Категории *пространство*, *время* и *движение* являются ключевыми категориями концептуализации действительности, следовательно, их можно обозначить как доминантные категории, на основе которых строится языковая картина мира человека. Наше исследование посвящено сопоставлению лингвокогнитивной доминанты *пространство* в художественном тексте на трёх языках: испанском, русском и английском. Профессиональный перевод художественного текста помогает увидеть, как одна и та же мысль передаётся средствами различных языков, что даёт возможность лингвисту распознать общие и отличительные черты языковой картины мира представителей разных лингвоконцептосфер.

Исследованию категории *пространство* посвящено множество работ (в частности, труды М.М. Бахтина [1], Н.Д. Арутюновой [2], Е.С. Кубряковой [3]). Однако в силу доминантного характера данной категории её описание остаётся актуальным, особенно в части сопоставления её реализации в различных языках и выявления типологических и индивидуальных признаков. Как отмечает С.А. Кривошапко, «художественная концептуализация в рамках изучения индивидуального стиля уже традиционна для отечественного языкознания» [4, с. 11].

Мы полагаем, что эту традицию следует продолжать, так как в дальнейшем на основании анализа различных исследований, посвящённых описанию индивидуально-авторской реализации той или иной категории или концепта, можно выявить признаки, характерные для всей лингвоконцептосферы в целом. Более того: поскольку авторы исследуемых произведений жили и живут в разное время, можно проследить исторические изменения языковой картины мира, ведь «ментальная репрезентация пространства, каков бы ни был её источник,

преобразуется в текст на естественном языке, интерпретируя который получатель оказывается в состоянии построить в своём сознании ментальную репрезентацию, адекватную в большей или меньшей степени той, что имела у автора описания» [5, с. 152]. Описывая вымышленное пространство, в котором происходит действие его произведения, автор создаёт «своего рода когнитивную карту, которая преобразуется затем в линейную последовательность языковых выражений» [5, с. 155].

Необходимо отметить, что в науке существовали два полярных представления о пространстве: «“Лейбницианской” модели заполненного и внутренне структурированного пространства противостоит “ньютоновское” представление о пространстве какместилище вещей» [6, с. 54]. Однако в современной научной картине мира наблюдается сплав этих двух представлений.

Целью настоящего исследования является сопоставление языковых средств описания категории *пространство* в испанском, русском и английском языках на материале одного и того же текста на трёх рассматриваемых языках (в оригинале и переводах).

Материалом исследования выбран рассказ Хулио Кортасара «Непрерывность парков», в котором исследуемая категория отображена с высокой степенью яркости, поскольку играет важную роль в повествовании. Кроме того, небольшой объём рассказа позволяет провести наиболее полный лингвистический анализ рассматриваемого произведения в ограниченных рамках статьи.

В исследуемом рассказе, как и в некоторых других произведениях писателя, мы наблюдаем слияние воедино реального и виртуального пространств: главный герой читает роман о том, как двое влюблённых готовят убийство мужа женщины, а в итоге их жертвой оказывается именно он – человек, читающий роман.

Организацию пространства в рассказе можно разделить на три уровня: местность, дом в поместье, интерьер кабинета.

Первый уровень представлен следующим образом: гористая местность (об этом говорит горная хижина, упомянутая при описании встречи любовников), поместье, расположенное в тех же горах или рядом с ними (такое предположение можно сделать на основании концовки рассказа, где происходит слияние виртуального мира романа, который читает главный герой, с реальным миром, в котором он живёт), недалеко от поместья находится железнодорожная станция (герой возвращался откуда-то в поместье на поезде). Упомянув горную хижину, автор рассказывает о двух тропах, ведущих к ней. Одна из них уходит на юг, а другая – на север. Так как любовник направляется в поместье и выбирает южную тропу, мы можем сделать вывод, что горы раскинулись именно к северу от поместья.

Второй уровень описывает само поместье, где расположен большой дом (как минимум двухэтажный, так как убийца в поисках своей жертвы поднимается по лестнице). К дому ведёт дубовая аллея – часть парка. Автор даёт нам даже некоторое представление о планировке самого дома: *Primero una sala azul, después una galería, una escalera alfombrada. En lo alto, dos puertas; Сперва голубая гостиная, потом галерея, в глубине – лестница, покрытая ковром. Наверху две двери; First a blue parlor, then a gallery, then a carpeted stairway. At the top, two*

*doors*<sup>1</sup>. Параллельно, в ещё не слившемся с реальностью виртуальном пространстве упоминается горная хижина, но о ней мы не узнаём ничего.

На третьем уровне описания пространства чётко прослеживается лейбни-цианская модель: здесь основную роль играет расположение предметов по отношению друг к другу. Напротив двери мы видим окно, а из всей мебели, которая наверняка присутствует, нам становится известно лишь о большом кресле, которое герой располагает спинкой к двери: *la puerta lo hubiera molestado como una irritante posibilidad de intrusiones*; к двери, вид которой навёл бы его на мысль о нежеланных посетителях; *to the door, which would otherwise have bothered him as an irritating possibility for intrusions*.

Здесь важнейшей характеристикой пространства является дихотомия *своё/чужое*. Герой выбирает своё любимое кресло в своём кабинете и ставит его таким образом, чтобы максимально отстраниться от чужого пространства. Наиболее ярко разграничение пространства на своё и чужое прослеживается в английском варианте текста, где грамматика языка диктует необходимость притяжательных местоимений: *his study; his favorite armchair; his back to the door; his left hand; its high back; his hand; his chest; his ears*. В испанском языке появление притяжательных местоимений можно отследить значительно реже: *su sillón favorito; su mano izquierda; contra su pecho; sus oídos*. В русском же языке притяжательные местоимения практически отсутствуют – лишь один раз появляется стилистически окрашенное *на груди его грелся кинжал*, то есть хотя пространство и разграничивается на своё и чужое, но менее явно: *в любимом кресле*, конечно же, означает ‘в его любимом кресле’, а *левой рукой* – ‘своей левой рукой’, но в силу специфики структуры русского языка такие уточнения не требуются, а следовательно, можно сделать вывод о некоторой размытости разделения пространства на своё и чужое в русском языке.

Такое разделение пространства в рассказе Хулио Кортасара тесно связано с эмоциями, которые пространство вызывает у главного героя: спокойствие кабинета (*la tranquilidad del estudio*) противопоставляется в тексте раздражающей возможности вторжения (*la irritante posibilidad de intrusiones*). В русском варианте это пара *в тишине кабинета* и *мысль о нежеланных посетителях*, в английском – *the tranquility of his study* (‘спокойствие его кабинета’) и *an irritating possibility for intrusions* (‘раздражающая возможность для вторжений’). На данных примерах видно, что как в испанском, так и в английском вариантах рассматриваемого текста героя успокаивает пространство, которое он считает своим (особенно это прослеживается в английском тексте), и раздражает нарушение этого пространства, в русском же тексте снова наблюдается отсутствие чёткого деления пространства на своё и чужое – здесь подчёркивается, что герою нужна тишина, а раздражает его не факт нарушения кем-то его пространства, а сами нарушители.

Помимо описания пространства и находящихся в нём предметов автор подробно рассматривает положение тела главного героя в этом пространстве: *su cabeza descansaba cómodamente en el terciopelo del alto respaldo... los cigarrillos seguían al alcance de la mano, que más allá de los ventanales danzaba el aire del*

<sup>1</sup> Здесь и далее цитаты на испанском языке приводятся по (I), на русском – по (II), на английском – по (III).

*atardecer bajo los robles; голова удобно покоем на бархате высокой спинки... сигареты лежат под рукой, а за окнами, среди дубов, струится вечерний воздух; his head was relaxing comfortably against the green velvet of the armchair with its high back... the cigarettes were still within reach of his hand, that beyond the great windows the afternoon air danced under the oak trees in the park.*

Квантификативные характеристики пространства представлены в рассказе при помощи:

а) непосредственно числительных – *en la primera habitación; dos puertas; в первой комнате; две двери; in the first bedroom; two doors;*

б) прилагательных – *del alto respaldo; высокой спинки; the high back; the great windows* ‘большие окна’;

в) сопоставления с предметами – *al alcance de la mano* ‘в пределах досягаемости руки’; *под рукой; within reach of his hand* ‘в пределах досягаемости руки’;

г) степеней сравнения – *mas allá* ‘дальше’; *все ближе*;

д) суффиксов – *ventanales* (‘большие окна’, ср. *ventanas* ‘окна’).

На основании приведённых примеров можно сделать следующие выводы:

а) квантификация пространства при помощи числительных, прилагательных и сравнения с окружающими предметами характерна для всех трёх исследуемых языков; б) при переводе данного текста на английский язык была опущена квантификация пространства при помощи степеней сравнения; в) указание на размер при помощи суффикса, использованное автором оригинального текста, оказалось невозможным для русского и английского языков, и в русском варианте переводчик опустил это указание на размер, переведя *ventanales* просто как *окна*, а в английском варианте было использовано словосочетание *great windows* ‘большие окна’.

Категоризация пространства происходит в рассказе при помощи различных языковых средств. Во-первых, это сочетание «**предлог + существительное**» (а также определение, выраженное прилагательным, существительным, притяжательным местоимением или порядковым числительным). Приведём примеры: *a la finca, en la tranquilidad del estudio, bajo los robles, contra su pecho, en la puerta de la cabaña, в усадьбу, в тишине кабинета, среди дубов, на груди его, у дверей хижины; to the estate, in the tranquility of his study, under the oak trees in the park, against his chest, at the cabin door.*

Использование тех или иных предлогов определяется сложившимися в языке традициями. Например, как в испанском, так и в английском языке для обозначения места и направления движения в это место используются разные предлоги (*a la finca* и *to the estate* – когда речь идёт о пути в усадьбу, *en la finca* и *in the estate* – если бы речь шла о нахождении в усадьбе). Для русского языка в этом случае характерен один и тот же предлог, но разные падежи (винительный и предложный), то есть грамматическое различие между статическим положением в пространстве и движением по направлению к определённой точке пространства предполагается, но выражено оно синтетическими средствами языка.

Во-вторых, для категоризации пространства активно применяются **глаголы**, в том числе в сочетании с существительным, предлогом, местоимением, например: *miraba hacia el parque, irse desgajando, lo que lo rodeaba, había venido, corría por las páginas, retenerlo, se separaron, seguir por la senda, la senda que iba al*

*norte, se volvió, corrió, subió, la alameda que llevaba a casa, entró; отходил всё дальше, лежат под рукой, пришёл сюда, катился по страницам, удержатъ, расстались, уйти по тропе, обернулся, убегает прочь, побежал, поднялся, вошёл в дом; looked out upon the park, go toward, raced down the pages, to keep him there, to dissuade him from it, from all that surrounded him, had come, they separated, follow the trail, the trail that led north, turned; ran, went up, entered.*

Рассмотрим общее и различное в использовании глаголов, характеризующих пространство, в трёх рассматриваемых языках. Их можно разделить на две большие группы: 1) глаголы, характеризующие статическое положение предмета или тела в пространстве; 2) глаголы, описывающие перемещение в пространстве.

В первой группе во всех трёх языках чётко прослеживается персонификация объекта, расположенного в пространстве. Например, в испанском и английском языках о кабинете говорится, что он *смотрел в парк* (*miraba hacia el parque* 'смотрел в направлении парка', *looked out upon the park* 'выглядывал на парк'). В русском варианте текста переводчик предпочитает использовать глагол движения *выходить* и относит его не к самому кабинету, а к его окнам. Поэтому и даётся описание кабинета, *выходившего окнами в парк*, глагол в данном случае заменяет причастие.

Такая же ситуация наблюдается с фразой *lo que lo rodeaba* 'то, что его окружало'. В английском тексте используется практически дословное *all that surrounded him* 'всё, что окружало его', а в русском тексте этому «окружению» присвоено обозначение *привычной обстановки*, то есть глагол опущен. Дорога (в данном тексте *тропа* и *аллея*) в испанском и русском вариантах может как *идти* сама, так и *вести*, в английском же варианте она только *ведёт*, ср.: *la senda que iba al norte* 'тропа, которая шла на север'; *la alameda que llevaba a casa* 'тополевая аллея, которая вела к дому'; *no trone, ведущей к северу*; *аллею, идущую к дому*; *the trail that led north* 'тропа, которая вела к северу'; *the avenue of trees leading up to the house* 'аллея из деревьев, ведущая к дому'.

При описании перемещений в виртуальном пространстве, когда в реальности никакого видимого движения не происходит, используются те же глаголы, которые отражали бы реальное перемещение. Например, то, как главный герой забывает об окружающей действительности и заинтересовывается происходящим на страницах книги, обозначается следующим образом: *irse desgajando* 'отламываться'; *отходил всё дальше*; *disengaging himself* 'освобождаясь'. О диалоге героев романа говорится: *corría por las páginas* 'бежал по страницам'; *катился по страницам*; *raced down the pages* 'скакал по страницам'.

Как и в отношении самой тропы, которая *шла* или *вела*, в отношении перемещающегося по тропе человека могут быть использованы разные глаголы: в испанском и английском тексте по тропе предлагается *следовать* (*seguir por la senda; follow the trail*), в русском же – *уйти по тропе*.

«Непереводимой» для русского языка оказывается конструкция *verla correr* (дословно 'видеть её бежать'): приходится воспользоваться более расширенным *посмотреть, как она убегает прочь*. В английском тексте такая конструкция возможна, но Д. Пейдж выбирает немного иную: *watch her running* (дословно 'наблюдать её убегающей').

В остальном же в глаголах, обозначающих действия героя, можно наблюдать строгое соответствие во всех трёх исследуемых языках: *corrió* – побежал – ran; *subió* – поднялся – went up; *entró* – вошёл в дом – entered и т. п.

Ещё один способ категоризации пространства – использование **причастия/герундия** (+ существительное, предлог, местоимение): *la escalera alfombrada*; кабинета, выходящего окнами в парк; по тропе, ведущей к северу; аллею, идущую к дому; лестница, покрытая ковром; свет, слабо льющийся в окна; кресла, обитого зелёным бархатом; *disengaging himself... from*; *relaxing comfortably*; *letting himself*; *the path leading in the opposite direction*; *the avenue of trees leading up to the house*; *a carpeted stairway*; *an armchair covered in green velvet*.

Использование причастий при описании пространства даёт возможность получения более ёмких высказываний. Например, испанское *escalera alfombrada*, как и английское *carpeted stairway*, указывает на положение лестницы и ковра по отношению друг к другу. В русском тексте за неимением соответствующего глагола (а следовательно, и причастия) приходится пользоваться более сложным *лестница, покрытая ковром*.

Кроме того, при описании пространства употребляются **прилагательные и наречия** (+ существительное, предлог, местоимение): *su mano izquierda, del alto respaldo, debajo*; левой рукой, высокой спинки, в горной хижине, наверху; *his left hand, its high back, the great windows*.

Прилагательные и наречия могут передавать как положение предметов по отношению друг к другу (например, *su mano izquierda*; левой рукой; *his left hand*), так и квантификативные характеристики пространства или расположенных в нём объектов (например, *debajo* ‘внизу’; *alto respaldo* ‘высокая спинка’; *наверху*; *высокой спинки*; *high back* ‘высокая спинка’; *great windows* ‘огромные окна’).

Кроме того, в русском и английском языках наблюдается одинаковое положение прилагательного по отношению к определяемому слову – в препозиции. Для испанского же языка более характерна постпозиция, хотя в рассматриваемом тексте встречаются оба варианта: *mano izquierda* ‘рука левая’; *alto respaldo* ‘высокая спинка’.

Наконец, назовём ещё одно средство категоризации пространства – **числительное** (+ существительное, предлог, местоимение): *primero una sala azul, dos puertas, en la primera habitación, en la segunda* [habitación]; две двери, в первой комнате, во второй [комнате]; *first a blue parlor, two doors, in the first bedroom, in the second* [bedroom].

Числительные используются в квантификации пространства для описания количества предметов (*dos puertas*; две двери; *two doors*), а также для указания на взаимное расположение частей пространства. Мы наблюдаем за движением убийцы по дому – первая спальня, вторая спальня – и можем воссоздать положение этих спален и следующего за ними кабинета по отношению к лестнице, по которой поднялся убийца.

Итак, при помощи рассмотренных средств Хулио Кортасар создаёт когнитивные карты двух пространств: 1) того, в котором живёт главный герой («реальная» карта: железная дорога, поместье с дубовой аллеей, кабинет); 2) того, о котором главный герой читает в романе («виртуальная» карта: хижина в горах,

большой дом к югу от хижины, к которому ведёт дубовая аллея, внутреннее расположение этого дома).

В завязке и развитии сюжета рассказа данные когнитивные карты пространства существуют независимо друг от друга, имея лишь одну точку соприкосновения – ведущую к дому дубовую аллею, которая также описывается как раскинутый возле дома дубовый парк, о важности которого для повествования мы можем судить на основании названия рассказа.

В кульминации же рассказа автор накладывает эти две когнитивные карты одну на другую, объединяя их в цельное пространство. Две карты дополняют друг друга, заполняя лакуны в первоначальном описании. Указанное наложение происходит в последнем предложении рассказа, когда при описании «виртуальной» карты читатель вдруг узнаёт «реальный» кабинет, подробно описанный в начале рассказа.

По результатам проведённого лингвистического анализа можно сделать следующие выводы:

- 1) наиболее чётко пространство делится на своё/чужое в английском языке, в испанском это разделение прослеживается в меньшей степени и наименее выражено оно в русском языке;
- 2) для всех трёх исследуемых языков характерна квантификация пространства при помощи числительных, прилагательных и сравнения с окружающими предметами;
- 3) лексические средства описания пространства являются близкими во всех трёх исследуемых языках, за исключением случаев, когда языковые лакуны заставляют прибегать к расширенному описанию, как в случае с *лестницей*, *покрытой ковром*.

### Summary

*T.I. Kolabinova. Representation of the Category of Space in J. Cortázar's Short Story "The Continuity of Parks" and Its Translations.*

The article presents a contrastive linguistic analysis of the linguistic-cognitive dominant of *space* in the Spanish, Russian and English languages based on J. Cortázar's short story "Continuidad de los parques" (The Continuity of Parks) and its translations into Russian (made by V. Spasskaya, "Neprevyvnost Parkov") and English (made by D. Page, "The Continuity of Parks"). The author considers the linguistic means for the description of space and the spatial position of a body and concludes that the division of space into one's own space and alien space is clearer in the English linguistic mentalese than in the Spanish one, and is blurred in the Russian linguistic worldview.

**Keywords:** linguistic worldview, space, linguistic-cognitive dominant, category.

### Источники

- I – Cortázar J. Continuidad de los parques // Cortázar J. Final del juego. – Madrid: Santillana Ediciones Generales, S.L., 2009. – P. 11–13.
- II – Кортасар Х. Непрерывность парков / Пер. с исп. В. Спасской // Кортасар Х. Преследователь: Рассказы. – СПб.: Лениздат, 1993. – С. 60–61.
- III – Cortázar J. The Continuity of Parks / Transl. by D. Page. – URL: <http://www.continuityofparks.com/by-cortazar>, свободный.

**Литература**

1. *Бахтин М.М.* Вопросы литературы и эстетики: Исследования разных лет. – М.: Худож. лит., 1975. – 504 с.
2. *Арутюнова Н.Д.* Язык и мир человека. – М.: Языки рус. культуры, 1999. – XV, 896 с.
3. *Кубрякова Е.С.* Язык пространства и пространство языка (К постановке проблемы) // Изв. РАН. Сер. лит. и яз. – 1976. – Т. 56, № 3. – С. 22–31.
4. *Кривошапко С.А.* Концепты «время» и «пространство» в лирической поэзии С.А. Есенина: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Ростов-н/Д, 2010. – 24 с.
5. *Кобозева И.М.* Грамматика описания пространства // Логический анализ языка. Языки пространств. – М.: Языки рус. культуры, 2000. – С. 152–162.
6. *Зубова Н.Ю.* Пространство как концепт и как категория // Вестн. МГОУ. Сер. Лингвистика. – 2011. – № 3. – С. 51–57.

Поступила в редакцию  
26.04.13

---

**Колабинова Татьяна Ивановна** – кандидат филологических наук, доцент кафедры романской филологии, Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Россия.

E-mail: [tatianakolabinova@yandex.ru](mailto:tatianakolabinova@yandex.ru)